

Этническая музыкальная культура московских мари (I)

DOI 10.31483/r-75842

УДК 811.511.151

Куцаева М.В.

ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук»,
Москва, Российская Федерация. <https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>, e-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Резюме: Статья посвящена вопросу поддержания и сохранения этнической музыкальной культуры марийцев в условиях диаспоры. *Цель статьи:* определить перспективы сохранения этнической музыкальной культуры членов марийской диаспоры в рамках интеграционных процессов в поликультурном пространстве московского региона. *Методы.* Автором статьи было проведено социолингвистическое обследование в марийской диаспоре московского региона; выборка составила 100 респондентов, все они являются уроженцами Республики Марий Эл или мест традиционного компактного расселения марийского этноса, в настоящее время проживают в Москве или в Московской области. Одним из аспектов обследования являлось изучение языковой лояльности респондентов, которая косвенно находит свое воплощение в знании и сохранении этнической музыкальной культуры. Респондентам, в частности, были заданы вопросы о том, на каком языке или языках им доводится слушать или петь песни; какое значение – в условиях проживания вдали от малой родины – имеет для них песня на марийском языке. На основе ответов, полученных в ходе интервью, составлены таблицы.

Результаты. Как показали результаты социолингвистического обследования в марийской диаспоре, подавляющее большинство респондентов (96%) так или иначе слушают (и/или поют) песни на этническом языке, при совершенно различных обстоятельствах и с использованием широкого спектра современных технологий и средств телекоммуникации. Представители диаспоры принимают активное участие в различных культурных и музыкальных мероприятиях, которые проводятся не только в рамках землячества, но и по частной инициативе молодых активистов. Автором *делается вывод о том, что* этническая музыкальная культура, связь с которой члены диаспоры поддерживают как самостоятельно, так и коллективно, несомненно, играет важную роль в сплочении московских марийцев и привлечении все новых членов марийской диаспоры, не позволяя им полностью ассимилироваться в поликультурном пространстве мегаполиса и способствуя сохранению их этнической и культурной идентичности.

Ключевые слова: марийская диаспора, московский регион, этническая культура марийцев, луговые марийцы, горные марийцы, восточные марийцы.

Для цитирования: Куцаева М.В. Этническая музыкальная культура московских мари (I) // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 24–30. DOI:10.31483/r-75842.

Ethnic Musical Culture of Moscow Mari (I)

Marina V. Kutsaeva

FPFIS "Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences",
Moscow, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>, e-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Abstract: The article deals with the problem of maintaining and preserving the ethnic musical culture of the Mari people in the conditions of the diaspora. The *purpose of the article* is to determine the prospects for preserving the ethnic musical culture of members of the Mari diaspora in the framework of integration processes in the multicultural Moscow region. *Methods.* The article is based on the data obtained when conducting a sociolinguistic survey in the Mari diaspora of the Moscow region; the selective sampling includes 100 respondents, all of them are natives of the Republic of Mari El or places of traditional compact settlement of the Mari ethnic group, currently living in Moscow or in the Moscow region. One of the aspects of the survey was to study the respondents' language loyalty, which indirectly manifests itself in the knowledge and observance of ethnic musical culture. In particular, the respondents were asked questions about the language or languages in which they are likely to sing or listen to songs, about the value and significance of Mari songs in their lives. Based on their answers, tables, reflecting the results, were drawn.

Results. According to the results of the sociolinguistic survey in the Mari diaspora, a vast majority of the respondents (96%) listen to (and/or sing) songs in their ethnic language one way or another, under completely different circumstances and using a wide range of modern technologies and telecommunications. The representatives of the Mari Diaspora take an active part in various cultural and musical events, which are held not only within the framework of the ethnic Mari community in Moscow, but also on the private initiative of young Mari activists. *The author concludes that* the ethnic musical culture, which the members of the Diaspora maintain both independently and in groups, undoubtedly plays an important role in uniting the Moscow Mari people and attracting new members of the Mari Diaspora, it slows down assimilation processes and contributes to the preservation of their ethnic and cultural identity.

Keywords: Mari diaspora, Moscow Region, Mari ethnic culture, Meadow Mari, Hill Mari, Eastern Mari.

For citation: Kutsaeva M.V. (2020). Ethnic Musical Culture of Moscow Mari (I). *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 2(3), 24–30. (In Russ.) DOI:10.31483/r-75842.

1. Введение

1.1. *Величина этнической группы.* В Российской Федерации, согласно данным переписи 2010 года, насчитывается 547605 марийцев, из них 290863 проживают в Республике Марий Эл и составляют 41,8% от населения республики. Остальные марийцы (46,9% от всего

марийского населения РФ) проживают как компактно (в Башкортостане, Татарстане, Удмуртии, Кировской, Свердловской, Нижегородской областях, Пермском крае), так и дисперсно во многих регионах страны, в том числе и в московском [3].

1.2. *Диаспора и диаспоризация.* Диаспора представляет собой совокупность лиц определенной этнической принадлежности, проживающую за пределами основного традиционного места расселения этого народа (в том числе в рамках многонационального государства), объединенную общим этническим самосознанием и, как правило, сохраняющую свой этнический язык в качестве одного из средств общения [13, с. 57].

Марийцы отличаются сильной диаспоризацией (см. п. 1.1.), образуя мощную внутреннюю диаспору на территории Российской Федерации. Они занимают второе место среди всех финно-угорских народов РФ после мордвы по количеству марийцев, проживающих за пределами своей исторической родины [8, с. 746].

В ситуации смены ценностных координат в условиях глобализации и свойственных этому процессу стиранию границ, информатизации жизненного пространства, интенсификации экономической деятельности, люди, лишённые необходимой жизненной опоры, находят ее в своей этнической или религиозной принадлежности, ведь именно через эти локусы традиции легче всего универсализировать. Таким образом, в поисках моральной, религиозной, культурной опоры человек обращается к своим этническим, религиозным корням и включается в соответствующую группу, какой может быть диаспора. То есть диаспора – востребованная на данном этапе исторического развития форма социальной адаптации [15, с. 288].

С точки зрения акад. В.А. Тишкова, диаспора – это культурно-отличительная общность на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективной связи, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине. Диаспора – это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и тем более этническая реальность. Данный феномен не есть статистико-демографические или этнокультурные группы, а прежде всего – конкретные ситуации и стиль поведения части сообществ, действующих от имени данных социальных коалиций. Отмечается крайне подвижный характер диаспоры, способной как пребывать в пассивном состоянии, так и быть подверженной при определенных обстоятельствах быстрой мобилизации [14, с. 444–445]. Имеются в виду прежде всего лидеры и активисты диаспоры, которые при условии того, что они будут действовать успешно, смогут внушить чувство ностальгии по родине даже людям, никогда там не жившим (например, собственным детям, то есть представителям второго поколения диаспоры); им удастся «противостоять напору полной ассимиляции, и члены идентификационной группы будут культивировать культурные знания, имена, передавать свой язык из поколения в поколение и память о принадлежности их предков» (Лейтин, цит. по: [5, с. 29]).

В итоге, мы уходим от таких идеологем, как «утрата», «изгнание», связанных с традиционным представлением о «диаспоре», и понятие диаспоры больше отражает конструктивные жизненные стратегии успешной адаптации [14, с. 466].

Как показали результаты обследования, проведенного автором статьи в марийской диаспоре московского

региона, одной из таких стратегий и форм социальной адаптации этнической группы в условиях ее диаспорного проживания является поддержание и продвижение этнической музыкальной культуры.

2. Методы

Социолингвистическое обследование проводилось автором в марийской диаспоре московского региона в декабре 2019 – мае 2020 гг. По данным переписи населения 2010 г., численность марийцев в Москве и Московской области составила 4655 человек [3].

Выборка составила 100 человек, все респонденты принадлежат первому поколению марийской диаспоры: они являются уроженцами Республики Марий Эл, а также мест компактного проживания марийского этноса (Республика Башкортостан, Татарстан, Кировская и Свердловская обл.), переехавшими по разным (экономическим, личным, профессиональным и иным) причинам в московский регион. Все респонденты идентифицируют себя в качестве этнических марийцев (см. таблицу 1).

Таблица 1

Table 1

Место рождения респондента	Доля респондентов, в %
РМЭ, один из районов распространения лугового марийского	58
РМЭ, Горномарийский район, район распространения горномарийского	13
Республика Башкортостан	18
Республика Татарстан	3
Кировская область	5
Свердловская область	2
Районы дисперсного расселения марийцев	1

В социолингвистическом обследовании респондентам, представителям марийской диаспоры, проживающим в московском регионе, в отрыве от основного ареала проживания марийцев, были заданы вопросы в том числе и относительно поддержания и сохранения этнической музыкальной культуры.

В ходе обследования автором использовался комплекс следующих методов: непосредственное наблюдение, включенное наблюдение, структурированное интервью респондентов, документальная фиксация ответов, статистический анализ данных (подробнее о социолингвистических методах см [1, с. 201–246]).

3. Результаты и обсуждение

3.1. Приверженность этнической музыкальной культуре

Результаты опроса показали, что большинство респондентов в выборке так или иначе слушают (поют) песни в том числе на марийском языке (см. таблицу 2).

Как видим, подавляющее большинство респондентов (96%) так или иначе слушают (и/или поют) песни на этническом языке.

Таблица 2

Table 2

Языки	Доля респондентов, в %
Русский и марийский	75
Русский, марийский, иностранный	19
Русский, иностранный	4
Русский, татарский, марийский	2

Степень интенсивности, с которой опрошенные поддерживают связь с этнической музыкальной культурой, однако, разная: одни, по их признанию, почти всегда слушают песни на марийском, другие – часто, третьим доводится это делать крайне редко. «Конечно, на марийском! Это вот у меня так заложено, и я всегда на марийском» (О. М., 35). «В данный момент я если слушаю, то марийские слушаю большинство. Ну просто нравится. Вот и все!» (А. М., 44). «Больше на русском. На марийском – на втором месте, получается» (В. Ш., 69). «На русском, конечно, чаще. Наверное, процентов 80 – русский, а 20 – на марийском» (Е. К., 25).

Для ряда респондентов соприкосновение с марийской музыкальной культурой происходит главным образом на малой родине: «Ой, ну если я в деревне, я могу по-марийски петь. А здесь в основном по-русски» (О. М., 36), «Я меломан, я все подряд слушаю. Русский да зарубежные, марийские – редко. Обычно дома, там, в Москве-то я почти не слушаю марийский» (Р. А., 25). Некоторые опрошенные отметили, что марийские песни заняли место в их жизни именно в последнее время: «Я больше слушаю в последнее время на марийском языке. Два года последние, наверное. Потому что тянет на малую родину! Скорее всего с этим связываю» (О. П., 27).

3.2. Эмоциональная сфера

Песня, как отмечается исследователями, издавна была самым любимым и популярным жанром марийского фольклора. Она сопровождала человека в течение всей его жизни, от рождения до смерти, звучала как во время работы, так и на отдыхе, в ходе обрядов и праздников. С ее помощью передавались мысли, чувства и переживания человека, песня служила своеобразной эмоциональной разрядкой в моменты радости и душевных невзгод. «Песня – душа народа», «С песней легче живется» – так говорится о песне в марийских пословицах. В ней отражаются представления мари об окружающем мире, настроение и взгляды на жизнь» [11, с. 5–6]. Кажется, и ныне марийцы сохраняют особое отношение к этнической песне. Приведем лишь некоторые цитаты.

«Слушаю, мне очень нравится. Во-первых, сам язык марийский, он очень такой мягкий, мелодичный! Песни, мелодии очень мне на сердце ложатся» (А. С., 50). «Мне нравится иногда музыка, мне нравится иногда песня и слова. Слова, которые ... ну больше нигде не сказаны так!» (А. Т., 51).

«А когда слушаешь, какая-то наполненность, как-то весело, в них есть именно кодировка энергетическая» (Т. К., 32). «У марийцев никогда грустного не

бывает, в основном все веселое. Мы люди позитивные, не упаднический народ, мы – трудоголики, песни поем, гуляем, отдыхаем и работаем!» (И. К., 35). «Песни в основном марийские – где живут, о том и поют. Если про ту местность, где я жил, те песни, естественно, акцентированно более слушаешь» (Ю. М., 60). «Эти песни – они логически очень верно построены как раз-таки. Там берется две строчки из природы. Две строчки из жизни человека. И они вот сопоставляются и сравниваются. Проводится параллель, по сути. Именно эта схема мне очень нравится. По сути, марийцы увидели какую-то параллель с природой связанную и – уже поют» (А. Ш., 29)¹.

«Вот эта тяга к песне – это у нас это внутри» (Е. К., 33). «Все эти песни – это все равно в крови там, в подсознании лежит. И как бы выдавать даже танцы на марийском – для меня как раз-два!» (М. С., 31). «У нас настолько народ творческий, настолько он любит праздники! Поэтому на всех посиделках, свадьбах, у нас всегда это все на национальном языке, и все песни, которые бабушка мне пела в детстве, сидя около печки, либо летом где-то на лужайке мы гуляли, либо где-то на праздниках каких-то опять же, все это мне близко» (К. М., 41).

«Марийцы – они такие, все творческие. С кем ни встретишься, этот умет петь, этот умеет танцевать. Этот играет на каком-то музыкальном инструменте» (А. Б., 47). «А в целом у нас народ музыкальный! Вот недавно в 2014 году марийцы, которые в Москве проживают – и луговые, и башкирские, и диаспора, проживающая в Петербурге. Мы отсюда поехали на четвертый международный конкурс-фестиваль. «Под небом Парижа» – называется фестиваль. Гранпри взяли, как раз марийская наша диаспора. Мы вот так вот собрались на один автобус, и до Парижа так и ехали. Интересная поездка, конечно, была! У нас же еще народ какой! Я тогда еще инструмент с собой вез, а они глаза открывают и давай песни петь! «Давай, – говорят, – играй!» Я им: «Да вы глаза сначала протрите, потом начинайте петь!» (А. Е., 60).

Обстоятельства, при которых московские мари имеют возможность послушать или спеть песни на марийском, чрезвычайно разнообразны: дома во время отдыха или уборки; по дороге на работу, в спортзал или в кафе; находясь в пути в машине; собираясь с друзьями и родственниками по праздникам или на застольях, наедине в выходной день; на природе – в лесу или на даче; проводя мелкий ремонт в квартире. Порой встреча с песней на марийском происходит совершенно случайно, когда кто-то в компании включил этническую музыку, иногда – намеренно, когда респондент повинуется собственному порыву («Ну, то есть это такой редкий порыв. Просто ходишь-ходишь и думаешь: «А дай-ка послушаю!» (В. Е., 27) или готовится к встрече с малой родиной («Вот едешь, например, домой, ну взял загрузил себе пару песен и послушал. Ну то есть, когда на родину едешь. Как бы настраиваешься») (К. Т., 36).

подавляющее большинство опрошенных подчеркнули, что, благодаря использованию современных технологий и средств телекоммуникации, они не испытывают сложностей с тем, чтобы найти подходящие песни для прослушивания. «Были диски, раньше поку-

пал, а сейчас в телефоне – папка с песнями» (А. Б., 47). «Я вот постоянно сейчас сижу в интернете. И вот в контакте, в одноклассниках, на таких сайтах марийских» (И. Е., 53). «Мне проще всего в контакте слушать. Потому что проще всего там найти и на флешку перекачать» (М. Е., 31). «Марийские песни – ну, некоторые есть, да. Кое-что я из детства помню, но в основном по ютубу: разные клипы там есть. Если интересно, пересылаем друг другу. Делимся!» (А. П., 52). «Я вообще люблю смотреть марийские песни на ютубе. В основном. Телевизор большой у нас есть. И вот сижу на сайте, захожу. Там еще у нас в деревне ансамбль есть, вот их смотрим. Все марийское смотрим. Все это мы видим, что там происходит» (Ю. Л., 56). Один из респондентов подчеркнул, что ему нравится самому записывать на диктофон песни, когда идет живое исполнение в деревне на малой родине, и потом прослушивать записи в Москве. Другой респондент признался, что предпочитает иногда слушать именно песни своей матери, записанные на диск.

Респондентам был также задан вопрос, в каком настроении они пребывают, когда им доводится слушать песни на марийском. Результаты приводятся в таблице 3.

Как выяснилось, в большей мере респонденты в выборке при прослушивании или исполнении песни на марийском склонны испытывать грусть, тоску, но-

Таблица 3

Table 3

Настроение или чувство, с которым респондент слушает (или поет) песню на марийском	Доля респондентов, в %
Ностальгия, грусть и тоска	41
Разное	39,5
Веселье и радость	15,5
Успокоение, расслабление	5

стальгию (41%). «Вы знаете, есть такие песни марийские, которые мама пела. Если такие, то слезы бегут, когда пою» (В. П., 60). «Больше, наверное, настроение такое ностальгическое, детское. Как вот в детстве. Ну а мы на моей даче – пять человек марийцев соберемся и поем марийские песни. Такие, которые мы раньше пели» (А. К., 60).

В 39,5% случаев в выборке московские мари слушают или поют песни в различном настроении: «И в грусти, и в радости» (И. К., 29). «Под настроение. Когда споешь? Ну, когда поругаешься – тогда тоже споешь. Когда душа поет – тогда поешь. Когда не поет, значит, не будешь петь. В лес я когда иду, так у меня душа там поет!» (З. Е., 65). «Когда грустно, марийское поешь. Когда весело – веселую марийскую песню поешь» (Н. Щ., 56).

14,5% респондентов полагают, что в такие моменты у них скорее веселое, приподнятое настроение. «А марийские – ну просто вот захочется, настроение такое – веселое. Мне надо песню с изюминкой, чтобы можно было потопать, похлопать. Ну, настроение поднять» (С. Б., 53). «С марийской песней веселимся, конечно, больше» (В. Б., 43). 5% респондентов

слушают марийские песни для успокоения и умиротворения: «Когда хочется расслабиться, я, бывает, сейчас же интернет есть, тогда я марийские песни слушаю» (Л. А., 57). «Настроение – возможно, успокоение. Просто умиротворение, наверное» (Е. М., 30).

Кроме того, в ходе опроса, респонденты уточняли, какие этнические песни они предпочитают слушать – старинные или современные (см. таблица 4).

Более половины опрошенных в выборке (54%) слушают и старинные, и современные марийские песни. «Современные я больше, наверное, слушаю.

Таблица 4

Table 4

Песни на марийском	Доля респондентов в выборке, в %
Старинные и современные	54
Старинные («старые», народные)	25
Современные	21

Но, кстати, и старинные люблю слушать. Потому что старинные, получается, когда я маленькая была, эти старинные песни – я выросла в них и слова знаю» (С. А., 38). «Просто есть старинные песни, которые тебе просто нравятся, они из детства идут, ты слышал их постоянно. А есть новинки, которые также популярны в Марий Эл. Я не то чтобы отслеживаю, что популярно, но я знаю, что популярно сейчас, потому что есть знакомые, которые могут сказать, что вот этот певец у нас сейчас популярен. Рекомендуют мне» (Е. М., 22).

25% предпочитают старинные, 21% – исключительно современные песни. Приведем причины, по которым респонденты предпочитают «старинные» марийские песни. «Старинные песни. Современные мне не очень нравятся, а старинные берут за душу. Современные – здесь, наверное, нужно отметить. Бум-бум мне не нужен. Марийские песни более певучие. Мне нравится мелодия что ли, гармошка. Это мелодичные песни. А вот современные – я даже не слышу слов, о чем они поют. Это преобладание шума. И он заглушает смысл» (З. А., 44). «Песни – старинные. Мне больше старые нравятся. Ну, современная музыка – а чем она, допустим, отличается, от русской? Там музыка, просто пентатоника² разная и все! Чуть-чуть. Вся аранжировка-то почти вся одинаковая» (П. К., 35).

Некоторые респонденты объяснили, почему они склонны слушать современные марийские песни. «Современные песни слушаем. Старинные – уж очень грустные! Старинные – в основном, такие вот... протяжные, про долю несчастную. В основном!» (И. С., 48). «Мало слушаю старинных марийских песен, потому что репертуар у марийцев в основном такой жалостливый, такой вот... о доле такой тяжелой, грубо говоря. Нет, современные-то они нормальные. Вот у меня, например, муж поет» (М. Ф., 30).

Как видим, респонденты в выборке охотно рассказывали в ходе интервью, о чем, на их взгляд, чаще всего поется в песнях, которые они слушают. Результаты приводятся в таблице 5. В графах таблицы приводится количество ответов. Как правило, респонденты указывали несколько вариантов.

Таблица 5

Table 5

Тематика песен	Количество ответов
О любви, об отношениях	39
О жизни	36
Частушки; позитивные, веселые песни	27
Разные	19
О природе	7
О родном крае	6
О матерях, о родителях	5
О родине, о единении народа мари	5
Обрядовые песни: свадьба, проводы в армию, гостевые песни	3

По мнению респондентов, большинство марийских песен, в конечном счете, – о любви и о жизни³, фило-софского содержания⁴.

«О чем – ну, разные. Допустим, про жизнь. Про тя-желую жизнь раньше пели, потом есть у нас свадеб-ные песни отдельно. Свадебные частушки. Отдельно есть еще – вот провожали в армию, тоже такие песни пели раньше. На концертах выступают также. Еще про любовь поют, ясное дело! Любовь – ну как у всех людей, разница-то в чем! Люди-то по-разному любить могут что ли? У кого какое сердце!» (З. Е., 65). «Вот в современных песнях чаще о любви или о чем-то весе-лом. А вот в старинных, как мне кажется, там ран-ше больше про жизнь, про маму, про папу, про семью, то есть больше такие именно песни. Ну есть такие песни, которые больше про влюбленные парочки. Они больше со смыслом были. А сейчас они больше... под-вижные, наверно» (Е. М., 22). «Если про старинные, обычно они такие праздничные. Это я слушаю. Как гостей встречают, как приветствуют. Что-нибудь про праздник обычно. Современные песни – для меня важно, чтобы песня несла смысл какой-то. Также ве-селые песни современные слушаю, это уже про лю-бовь» (М. К., 28). «Все песни по всему миру, за исклю-чением абсолютно ура-патриотического, они все о любви. О любви к родине, к родной земле, к ближнему. И тому подобному. Любую патриотичную возьмите, в конечном счете – это о любви к родине. Есть такое условное подразделение, там. песни о труде, о то, о том. Но в конечном счете это все – о любви. Потому что песня без любви не рождается» (В. Н., 67).

96 респондентам в выборке, которые слушают пес-ни на марийском, был задан вопрос о том, понимают ли они все слова в песне. Подавляющее большинство опрошенных (74%) ответили утвердительно, 21% сде-лали это с некоторыми оговорками («понимаю, но не все»), и лишь 5% признались, что почти совсем ничего не понимают (см. таблицу 6).

Таблица 6

Table 6

Да, понимаю	Понимаю, но не все слова	Мало понимаю, не понимаю совсем
74%	21%	5

Следует отметить, что к последней категории (5%) принадлежат респонденты, уроженцы городской среды не только Марий Эл, но и мест компактного прожива-ния мари за пределами республики, которые, хотя и не владеют этническим языком, тем не менее ощущают некоторую связь с песней на этом языке («Когда гости собираются, в деревне или даже в Йошкар-Оле, тогда очень весело под баян чего-нибудь, даже не понимая, подпевать» (В. С., 41).

Ряду респондентов (21% в выборке) незнакомое зву-чание некоторых слов не мешает глобально постигать смысл песни. «Слова не все понимаю. Практически все понимаю, ну и пару слов могу не понять. Но в голове уже понимаю, о чем там в песне поется» (Н. Б., 30). «Не все слова понимаю, нас в школе так учили, а здесь... по-другому слова говорят некоторые» (З. И., 64).

Одна из вероятных причин трудностей в восприя-тии с лингвистической точки зрения кроется, как пред-ставляется, в том, что марийский этнос подразделяется на три основных субэтнических группы: горные, лу-говые, восточные [12, с. 229], диалекты, выделяемые внутри марийского языка (луговое, восточное, горное и северо-западное), несмотря на многие общие места, все же имеют некоторые свои особенности, в том числе и лексические расхождения [4, с. 274; 6, с. 277].

Большинство респондентов в выборке (74%), од-нако, по их признанию, вообще не испытывает слож-ностей в восприятии песни на этническом языке. Действительно, все они в основном активно владеют марийским языком, но и во второй категории опрошен-ных (21%) таковых было немало.

Стремление уяснить для себя суть проблемы побуди-ло автора статьи задать респондентам дополнительный вопрос, а именно: «Песни каких субэтнических групп мари вы предпочитаете слушать?» (см. таблицу 7).

Таблица 7

Table 7

Слушаю скорее (только) «своих»	Слушаю разные
55%	45%

Более половины респондентов (55%) отдают пред-почтение «своим» (в их терминологии) песням. Приве-дем некоторые цитаты, в которых раскрываются причи-ны предпочтения респондентами песен именно (скорее/только) своей субэтнической группы. «Слушаю песни луговых. У них же, горных, язык-то чуть-чуть другой, мне их культура не так близка. Мне-то своя культура, луговая, более близка! По душе. Вот» (Л. А., 57). «Мне очень нравится горномарийские песни слушать. Осо-бенно здесь, вдали от родины в Москве. Я же говорю, только горномарийские песни слушаю. Там вот не так было. А здесь, видимо, тоска ощущается» (Н. Н., 52). «Слушаю в основном песни луговых мари, потому что этот язык мне более близок и понятен» (В. К., 37). «Они с луговыми отличаются. Сразу чувствуется, где наша и как-то это. Но вот в современных, конечно, уже все переплелось. А раньше очень отличались в моей молодости. Конечно, пентатоника – и там, и там. Но чисто роднее, конечно, горномарийские. Но есть тоже

очень хорошие на луговом. И мелодичные есть. Есть хорошие, и там, и там» (Н. Б., 58).

Как видим, в основном именно луговые и горные мари в выборке отдают предпочтение «своим» песням⁵.

Подавляющее большинство внереспубликанских мари, по их словам, слушают «разные» песни. «Слушаю всех. У горных люблю игру на гусях, очень нравится» (Г. И., 61). «Я слушаю все, мне без разницы» (А. П., 52). Часть луговых мари в выборке также любит слушать разные песни. «На марийском слова понимаю полностью. Ну есть некоторые слова, которые не наши исполняют, не луговые, а с Башкирии марийцы. У башкирских мелодичность такая же, а слова отличаются. У горных язык мягче считается, если быстро говорить, я их не буду понимать. Но есть и горные песни, интересные песни по звучанию, слушаю некоторые» (И. Г., 28).

Об использовании этнической песни в досуговой, профессиональной и семейно-бытовой сферах в марийской диаспоре московского региона будет подробно рассказано во второй части данной работы.

Примечания

¹ На безусловное господство формообразовательных законов лирической песенности в марийской культуре указывает, в частности, М.Г. Кондратьев. В поэзии марийской культуры, наряду с некоторыми другими культурами Волго-Уральского региона, большое место занимает – а в определенных пластах доминирует – краткосюжетная образно-параллелистическая композиция [7, с. 84].

² Ладовой основой марийской народной песни является пентатоника – звуковая система, основанная на пятиступенном ладовом звукоряде [9, с. 346].

³ Подробнее о тематике музыкального фольклора, о развитии профессиональной музыкальной культуры марийцев см.: [9].

⁴ «Скорее это старинные, которые любил отец, отец у меня тоже играл на гармошке, мама пела, и вот эти песни скорее я повторяю. Но они сами приходят. В частности, мне сразу приходит в голову, допустим, одна песня. Просит отца молодой человек, сын купить ему пальто, ну такое... чтобы он вот вышел в клуб после работы и так сказать... его полюбила та девушка,

которая ему по нраву, по душе. В частности, могу даже пересказать и по-марийски, и по-русски. Он говорит: «Ну вот, я уже много пахал, много сажал, работал на поле. И мне бы теперь пора уже приобрести новое пальтишко, выйти в клуб вечером и сплясать, и спеть перед любимой девушки». У отца просит. В конце концов приобрели пальто, суконное, или какое там раньше было? Просто, пальто, короче. И вот он выходит, а та девушка вышла замуж. Ну, как оно обычно и бывает! И получается, что пальто-то зря приобрели, и теперь ни перед кем показываться. И ни перед кем попеть-то. Она же вышла замуж и улетела. А отец ему и говорит: «Ну и ладно, что же теперь! Значит, вышла-так вышла. А ведь самое главное – чтобы хлеб у нас вырос осенью, чтобы, так сказать, семья была сыта. И если мы будем сыты, обуты и одеты, собственно, встретится еще другая любовь, которая тебе по душе, которая свыше послана тебе». Ну вот такая мне сразу песня в голову пришла! В том-то и дело, что песня эта философская. Это очень старинная песня. Эту песню пел моей родной тети муж, они жили в Забелье. Там тоже марийские поселения есть. Это Калтасинский район. И песня эта, которую мы поем, может быть, даже у его отца, у его дедушки даже, может в 1917, в 1920 году пелась. Лет сто, я думаю, ей есть». (В. Ш., 58).

⁵ В марийском народном творчестве выделяются три крупных музыкальных диалекта, соответствующих трем этнографическим группам марийцев: луговые, горные и восточные. Кроме того, внутри луговых мари можно выделить четыре подгруппы, имеющие свои специфические музыкальные особенности. Различия в песенной культуре между этими музыкальными диалектами заключаются в жанровом составе песен, особенностях музыкального стиля (лад, мелодика, ритмика, форма). Для различных диалектных групп мари характерны свои типы звукорядов, так называемые «этнопентатоники», которые различаются по распределению ладовых опор, составу попевочных формул. Кроме того, песни восточных мари, испытавших тюркское влияние, отличаются от мелодий луговых и горных мари [9, с. 346].

Подробнее о песенной культуре различных этнографических групп мари см., например: [2; 10].

Список литературы

1. Беликов В.И. Социоллингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – 337 с.
2. Белогурова Л. М. Лирические песни горных мари: искусство транспозиции / Л.М. Белогурова, А.Н. Смирнова // Вопросы этномузыкознания. – 2015. – №3. – С. 90–111.
3. Всероссийская перепись населения 2010 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom9.htm (дата обращения: 25.05.2020).
4. Грачева Ф.Т. Марийский горный язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Т. 2. – М.: Наука, 2001. – С. 266–274.
5. Иванов В.П. Этническая география чувашского народа: историческая динамика численности и региональные особенности расселения. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. – 383 с.
6. Коведяева Е.В. Марийский лугововосточный язык / Е.В. Коведяева, И.А. Николаева // Языки Российской Федерации и соседних государств. – М.: Наука, 2001. – Т. 2. – С. 274–283.
7. Кондратьев М.Г. Чувашская народная музыкально-поэтическая система как региональный феномен // Историческая этнология. – 2017. – Т. 2, №1. – С. 80–94.
8. Кондрашкина Е.А. Языковая ситуация в Республике Марий Эл // Язык и общество: энцикл. – М.: Азбуковник, 2016. – С. 746–752.

9. Марийцы: ист.-этногр. очерки. – 2-е изд, доп. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. – 482 с.
10. Мушкина Н. В. К вопросу о генезисе «сернурского звукоряда» // Развитие гуманитарных исследований в Республике Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2011. – С. 178–184.
11. Песни луговых мари. Ч. 1: Обрядовые песни / сост. Н.В. Мушкина. – Йошкар-Ола, 2011. – 592 с.
12. Петров В.Н. Марийцы // Народы России. – М., 1994. – С. 229–231.
13. Словарь социолингвистических терминов. – М., 2006. – 312 с.
14. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 543 с.
15. Фоканов Ю. В. Диаспора: к вопросу о концептуализации понятия в условиях глобализации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008 – №60. – С. 284–289.

References

1. Belikov, V. I., & Krysin, L. P. (2016). Sotsiolingvistika [Sociolinguistics], 337. Moscow: Iurait.
2. Belogurova, L. M., & Smirnova, A. N. (2015). Liricheskie pesni gornykh mari: iskusstvo transpozitsii. Voprosy etnomuzykoznaviia, 3, 90-111.
3. Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2010 goda. Retrieved from https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom9.htm
4. Gracheva, F. T. (2001). Mariiskii gornyi iazyk. Iazyki Rossiiskoi Federatsii i sosednikh gosudarstv. T. 2, 266-274. Moscow: Nauka.
5. Ivanov, V. P. (2005). Ethnic geography of Chuvash people. Historical dynamics of population and regional peculiarities of settlement., 383. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo.
6. Kovediaeva, E. V., & Nikolaeva, I. A. (2001). Mariiskii lugovovostochnyi iazyk. Iazyki Rossiiskoi Federatsii i sosednikh gosudarstv, 2, 274-283. Moscow: Nauka.
7. Kondrat'ev, M. G. (2017). Chuvash people's musical and poetic system as a regional phenomenon. Historical Ethnology, vol. 2, 1, 80-94.
8. Kondrashkina, E. A. (2016). Iazykovaia situatsiia v Respublike Marii El [Language Situation in the Republic of Mari El]. Language and Society. Encyclopedia, 746- 752. Moscow: Azbukovnik.
9. (2013). Mariitsy., 482. Ioshkar-Ola: MarNIILi.
10. Mushkina, N. V. (2011). K voprosu o genezise "sernurskogo zvukoriada". Razvitie gumanitarnykh issledovaniia v Respublike Marii El, 178-184. Ioshkar-Ola.
11. (2011). Pesni lugovykh mari. Ch. 1: Obriadovye pesni., 592. Mushkina, N. V. (eds.). Ioshkar-Ola.
12. Petrov, V. N. (1994). Mariitsy. Narody Rossii, 229-231. Moscow.
13. (2006). Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov., 312. M.
14. Tishkov, V. A. (2003). Requiem for Ethnos. Socio-cultural Anthropology research., 543. Moscow: Nauka.
15. Fokanov, Iu. V. (2008). Diaspora: k voprosu o kontseptualizatsii poniatiiia v usloviiakh globalizatsii. Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences, 60, 284-289.

Информация об авторе

Куцаева Марина Васильевна – канд. филол. наук, научный сотрудник ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук», Москва, Российская Федерация

Information about the author

Marina V. Kutsaeva – candidate of philological sciences, research fellow, FPFIS "Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences", Moscow, Russian Federation